

УДК 82-141:82-94

НОВОГОДНИЕ СТИХИ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА: МЕЖДУ ЦАРЕМ, БОГОМ И «ПОГРАНИЧНЫМИ СИТУАЦИЯМИ»

© Алексей Петров

NEW YEAR'S VERSES OF V. K. KUCHEL'BECKER: BETWEEN THE TSAR, GOD AND "BOUNDARY SITUATIONS"

Aleksey Petrov

Decembrist V. Kuchelbecker's five New Year (aeonic) poems, written in solitary confinement and in Siberian exile, are not only "metatext" unnoticed by researchers, but also a philosophical statement of the poet, his "being-on-the-way". On the one hand, the poems are a part of the "New Year's text" of Russian poetry (the 18th – the early 19th century). They are interesting as a part of historical poetics, the history of genres and the history of metaphysical poetry in Russia – as a stage of its development. On the other hand, these poems are indicative in terms of evolution of Kuchelbecker's aesthetic and philosophical views, particularly his sense of Time and his own "existence". They also reflect the continuity of the writer's artistic searches, interrupted by the tragic events of December, 1825. Isolated from the live literary life, he continues to develop descending and unpopular traditions – civic and religious poetry, associated in the minds of his contemporaries with classicism, especially with the genres of solemn and spiritual odes.

Kuchelbecker's archaizing style and genre, his constantly deteriorating mental and physical state, family troubles, his constant exaltation, etc., manifest themselves in the evolution of the New Year theme of his poems. The feeling of "abandonment", uselessness, and later – the meaninglessness of existence resulted in the creation of strange works – amalgams of odes, elegies and prayers, later, he wrote "New Year's Psalms" and, finally, an unusual poem, which can be called "a metaphysical ode" about "a boundary situation".

The article analyzes Kuchelbecker's New Year's poems and diary entries using the methodology of historical poetics, comparative literary criticism and the theory of compound text formations.

Keywords: V. K. Kuchelbecker, New Year's (aeonic) poetry, ode, canticle, elegy, historical poetics, "a boundary situation".

Пять новогодних (эонических) стихотворений декабриста В. К. Кюхельбекера, написанные им в одиночном заключении и в сибирской ссылке, – не только не замеченный исследователями «метатекст», но и философское высказывание поэта, его «бытие-в-пути». С одной стороны, они являются частью «новогоднего текста» русской поэзии XVIII – первой половины XIX века и потому интересны – в рамках исторической поэтики, истории жанров и истории метафизической поэзии в России – как этап в его развитии. С другой стороны, эти стихотворения показательны с точки зрения эволюции эстетических и философских взглядов Кюхельбекера, в частности ощущения им Времени и собственной «экзистенции». Кроме того, они свидетельствуют о консервации тех художественных поисков писателя, которые были прерваны трагическими событиями декабря 1825 года. Оторванный от живой литературной жизни, он продолжает развивать нисходящие и непопулярные уже традиции – гражданской и религиозной поэзии, соотносимые в сознании современников с классицизмом, прежде всего с жанрами торжественной и духовной оды.

Тяготение Кюхельбекера к архаизирующим стилю и жанрам, его постоянно ухудшающееся душевное и физическое состояние, семейные невзгоды, всегдашняя экзальтированность и пр. своеобразно проявили себя в эволюции новогодней темы в его стихотворениях. Ощущение своей «заброшенности», ненужности, а позднее – и бессмысленности существования привели его сначала к созданию странных произведений – амальгам из од, элегий и молитв, затем к написанию «новогодних псалмов» и, наконец, к необычному стихотворению, которое очень условно можно назвать «метафизической одой» о «пограничной ситуации».

Анализ новогодних стихотворений и дневниковых записей Кюхельбекера проводится в статье в рамках методологии исторической поэтики, сравнительного литературоведения и теории составных текстовых образований.

Ключевые слова: В. К. Кюхельбекер, новогодняя (эоническая) поэзия, ода, переложение псалмов, элегия, историческая поэтика, «пограничная ситуация».

К началу XIX века почти сорок русских поэтов написали около ста стихотворений «на Новый год» (см.: [Петров, 2005]). За это время была выработана топика новогодних стихов и сформировались жанровые предпочтения создателей эонической лирики. Это определение принадлежит В. К. Третьяковскому (1752 г.), и указывает оно на главную тему стихотворений «на новый год / век», ибо греческое αἰών («эон») значит 'век, вечность'. Для 1700–1800-х гг. жанровый эволюционный ряд выглядит следующим образом: псалмы и их переложения – поздравительные стихи – ода – надпись – ода – стихи «на случай Нового года» – послание. Для XIX и XX вв. картину еще предстоит выяснить, но уже сейчас понятно, что в ней немало возвратных тенденций. Скажем, одическая топика возникала в стихотворениях русских поэтов всякий раз, когда требовалось передать пафос коллективного «восторга», будь то единство перед лицом опасности, или ненависть к врагу, или восхищение подвигом предков. Поэзия периода Отечественной войны 1812–1815 гг. подтвердила жизнеспособность одического и других «высоких» жанров в очередной раз. Естественно, поиски поэтических форм для выражения гражданских чувств не прекратились после 1815 г., и романтизм способствовал этому в немалой степени. Что касается чувств религиозных, то они, как выяснено усилиями многочисленных исследователей (В. А. Котельникова, М. Дунаева, Т. А. Жирмунской, В. Л. Коровина и др.), русских поэтов не покидали никогда. Для авторов же, насильно удаленных из литературы после 1825 г., разработанные в XVIII в. жанровые формы, например оды торжественной и оды духовной, по необходимости были привычными для выражения раздумий и эмоциональных состояний в некоторых стереотипных ситуациях. Такими ситуациями остались для декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797–1846) победы русского оружия и праздник Нового года.

Эти две темы слились довольно рано, уже в 1730-е гг., и потому присутствие их в первом новогоднем стихотворении Кюхельбекера – «На 1829 год» [Кюхельбекер, с. 102–103] – не удивительно. Интереснее другое: та амальгама, в которую поэт «переплавляет» разные жанровые традиции с характерным для них набором образно-стилистических штампов, пытаясь выразить свои чувства и настроения. Исходными для Кюхельбекера, для которого заканчивался третий год одиночного заключения, явились, по-видимому,

ощущение оторванности от жизни общества, своей ненужности и, как результат, вселившаяся в *увядшее сердце убийственная печаль* и упадок сил. Как дань «элегическому коду» прочитывается мотив утраты творческого дара (*Или небесным упоеньем / Навек, певец, покинут ты?*), как «молитвенный код» – обращение к *богу сил и хвала* ему, к гражданской поэзии отсылают образы *отчизны честь, подвиги сынов русской земли*. Начавшаяся в 1828 г. война с Турцией вдохновила поэта, как и иные войны – многих других поэтов до и после него, поучаствовать в ней *пламенем песней и молитв*. Намеченные в стихотворении темы страдания, уныния, «заброшенности» и богооставленности снимаются в итоге *священным восторгом*, во многом искусственно навязанным поэтом самому себе. И самое главное: в этом стихотворении содержится полный набор тех «ситуаций», которые немецкий философ К. Ясперс назовет «пограничными», однако Кюхельбекер, как и многие люди, пока еще «закрывает на них глаза и живет так, как будто бы их нет» [Ясперс, с. 22].

С 25 апреля 1831 г., на шестом году одиночного заключения, находясь в тюрьме г. Ревеля, Кюхельбекер начинает вести дневник. Существенную его часть занимают «разговоры» поэта – узника, а затем изгнанника – с Богом: молитвы, переложения псалмов, сонеты на библейские сюжеты, послания и элегии, проникнутые религиозными чувствами. Эти чувства поэт вложил и в свои новогодние стихи, которыми отмечал не только новолетие, но и религиозные праздники, и некоторые «годовщины», и свое взросление – прибавление лет и душевное старение.

Новый 1832 год он приветствует двумя стихотворениями, написанными одно в декабре уходящего года, другое – в январе наступившего, – случай в русской эонической поэзии уникальный. В это время Кюхельбекер находится в Свеаборгской крепости, и в стихах «На Новый год» (30 дек. 1831) [Кюхельбекер, 1967, с. 227–231] он славит того монарха, который его в эту крепость заточил (поводом для их написания послужили события 1831 г. в Польше, на которые столь же ангажированными политическими стихами откликнулись А. С. Пушкин, В. А. Жуковский и Ф. И. Тютчев.) На этот раз никаких сомнений в богоизбранности своего поэтического дара – *единственного мне оставленного блага* – у Кюхельбекера нет. Однако ему приходится соглашаться разные по происхождению и отрицающие друг друга концепты: 1) романтический – о

свободном вдохновении, 2) классицистический – похвалы монарху как предмет этого вдохновения. На поэтическом языке и XVIII, и XIX вв. «восторг» такого рода обозначался словом «лесть», что нередко вынуждало поэтов, вдохновившихся монаршими достоинствами, давать объяснения некой значимой для них группе читателей, например друзьям. Проблема эта в русской поэзии вполне отчетливо была поставлена М. В. Ломоносовым, наиболее же авторитетные истолкования она получила у Г. Р. Державина («Видение Мурзы» (1784) и др.) и А. С. Пушкина («Нет, я не льстец, когда царю...», 1828). Кюхельбекер находит собственное решение вопроса: его право воспевать великого *мужа* выстрадано годами лишений, и никто не смеет подозревать поэта в лести, ибо *судеб предопредельем* ему оставлено *единственное благо* – его дар:

Не лесть мне будет вдохновеньем;
Нет! не унижу дара своего <...>
Но песней требует бесстрашная отвага;
Но мужа, кто тогда неколебим,
Когда падут, как дождь, перуны
И расступается земля пред ним, –
Такого мужа да прославят струны!

Новый «высокий» стиль политической поэзии создается Кюхельбекером на основе традиций литературы XVIII в.: с помощью «восторжения» и победных интонаций; периодов, уподоблений, перифраз и антитез; церковнославянизмов и одизмов; специфической звукописи и т. д. При этом одическая риторика и клишированные образы, восходящие как к классицизму, так и к романтизму, оказываются одушевлены искренностью переживаний, элегичностью интонаций и автобиографичностью воспоминаний. Индивидуальное наполнение получает и такой собственнo новогодний топос, как завершающая молитва. У Кюхельбекера появляется тот же образ, что некогда у Державина в оде «На Новый 1797 год», – архангела Михаила, выступавшего в державинской оде покровителем императора Павла I и охранителем *счастья Россов* (см.: [Петров, 2005, с. 179–183]). Теперь же подданный Николай I Павловича просит у *всеблагого* о счастье – для отечества, а не для царя:

Отечество мое! единые молитвы
Я в дар могу принести тебе;
Но день и ночь я в пламенной мольбе
О счастья твоём взываю к всеблагому:
Пусть бог мой повелит архангелу святому
И станет стражем он у прага твоего,
И отобьет и страх, и скорбь, и бедства
От древнего Славенова наследства
Алмазный щит его!

Однако за день до этого, 29 декабря, Кюхельбекер вписывает в дневник слова, в которых подводит итоги не военных успехов России, а протекшего года своей жизни, осмысляя такие «пограничные ситуации», как Случайность, Страдания и Смерть, и перечитывая ветхозаветную книгу о праведнике, который все эти «ситуации» прошел и от отчаяния освободился:

Все ближе и ближе конец этого рокового года: что-то будет в следующем? Я, который теперь отмечаю чувства свои, перечту ли эту отметку через год? При наступлении нового года у всех сердце бьется сильнее, все ожидают чего-то лучшего, нового: мне чего ожидать? <...> «Аще благая прияхом от руки господни, злых ли не стерпим?». Иова, гл. 2, ст. 10. Сверх того ужели сомневаюсь, что самое зло служит мне ко благу? Однако же пора ожидать блага не в этой, а в другой, лучшей жизни [Кюхельбекер, 1979, с. 72].

Через несколько дней Кюхельбекер вернется к Библии и напишет новогоднее стихотворение уже не о текущих политических событиях, но – о Вечном. Ни монарх, ни отечество, ни даже собственные страдания – но только Тот, кто защищал и спасал все эти годы узника-поэта, станет предметом его восторгов и вдохновения. 1 января 1832 г. Кюхельбекер вписывает в дневник стихотворение «Новый год» [Кюхельбекер, 1967, т. 1, с. 233–234], после него следует ремарка: *Благодаря господу, с новым годом моя тоска совсем прошла: обыкновенное мое лекарство – Поэзия наконец подействовала* [Кюхельбекер, 1979, с. 76]. Подчеркну здесь «терапевтическую» функцию ведения дневника и создания религиозных стихотворений для Кюхельбекера. Примечательно, что 2 января он напишет сонет «Рождество»; в марте – сонеты пасхальные и сонет о Марии Магдалине – грешнице, духовно возрожденной Христом; в мае – сонет «Вознесение».

Отправной точкой для своих раздумий Кюхельбекер делает псалом 89, вдохновлявший русских поэтов не часто. Например, в XVIII в. его перелагали В. И. Майков и И. Ф. Богданович – авторы, близкие к масонству. Согласно современной классификации, 89-й псалом относится к тематической группе «Человек в гармонии с Богом». В гармонии с Богом находятся праведники, уверенные в правильности избранного ими пути и в Божественной защите [Горячева, Разживин, с. 9, 73]. Эту уверенность в завтрашнем дне и в милости Отца находим у Кюхельбекера (строфы 12–13). Утверждением главной добродетели христианина – смирения – и славословием Богу поэт завершает свой «новогодний псалом» (строфы

14–15). Однако большая часть стихотворения – 11 строф – отдана другой теме: пожалуй, центральной в самом 89-м псалме. Легендарный автор псалма, Моисей, размышляет в нем о Времени в его «божественном» и «человеческом» измерениях. Для Бога «тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел», а человеку отпущено «семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим». Дни своей жизни человек проводит, преследуемый «гневом» Божьим, и потому Моисей молит Бога о том, чтобы научил Он нас «так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое», чтобы «возвеселил» Он нас за дни, в которые «поражал» нас, «за лета, в которые мы видели бедствия» (Пс. 89:5–15).

Эти слова псалмопевца поэт-узник должен был воспринять очень лично, однако в его переложении они практически не отразились. Зато подробно им развита и даже усилена псалмодическая антитеза вечный Бог vs. живущий мгновение смертный. Здесь и оказались востребованы традиции масонской поэзии, эонической лирики и жанра элегии. Водная метафорика, привычная для христианской проповеди и масонских стихов о времени / новолетии (см.: [Петров, 2005, с. 150–157], [Петров, 2009]), соединяется у Кюхельбекера с романтическими образами *мечты ночной, умирающих звуков* и с развернутым элегическим сравнением – жизнь, вянущая, как *вешний цвет*. Что интересно: все использованные Кюхельбекером образы времени – *наводнение, ночь и сон, вырастающая утром и засыхающая вечером трава, лета-«звуки»* – в псалме 89-м есть, но они «перекодированы» согласно поэтике элегии. Интимно-личные переживания, элегические интонации и образность переплетаются с языком «высокой» поэзии XVIII в.: *Сыны греха и суеты! / Наш век не нить ли паутины?*. Рождается стиль романтической «метафизической» лирики (см.: [Петров, 2011]):

Как с ветви лист, так с оси мир
Сорвет стихий мятежных сила;
Поглотит жадная могила,
Как каплю, землю, твердь, эфир;

И будто плат, ты свешь тогда
Шатер безмерный, многозвездный;
Но сам над беспредельной бездной
Пребудешь, чем ты был всегда.

Такое соединение высокого религиозного пафоса и напряженно-личного «переживания» времени привело, в частности, к появлению оригинального темпорального образа – *завесы*. Он

одновременно и наглядно-чувственный, и психологический (передающий самоощущение Кюхельбекера), и символический (выражающий его представление о Судьбе и Времени / Вечности): *Не пред завесой ли стою? / Я жив и здрав, но что за нею?*. Этот образ буквально – пограничный. Поэты XVIII – начала XIX в., например С. С. Бобров (см.: [Петров, 2005, с. 197–231]), вполне отчетливо видели облик Года / Времени, как правило, человекоподобный. Поэты эпохи романтизма предпочитают уже не заглядывать в глаза потусторонним сущностям и не описывать то, чего видеть никто не может и / или не должен.

Не каждый Новый год Кюхельбекер отмечал стихами; в дневниковых записях размышления о новолетии также встречаются нечасто. Любопытно, что в этих немногих кратких замечаниях автор дневника использует устоявшиеся поэтические формулы. Вот записи от 30 декабря 1832 г. и 1 января 1833 г.: *Еще день – и 1832 год канет в вечность. <...>; Вот и нового года уже один день пролетел! Когда он будет уже старым, буду ли (если только буду жив) более доволен, чем в конце минувшего года? <...>* [Кюхельбекер, 1979, с. 217]. В первом случае Кюхельбекер «цитирует» В. В. Капниста, его «На новый 1797 год»; во втором – перефразирует И. М. Долгорукова, его стихотворения «1799-й Год» и «Спасибо 1799 году» (см.: [Петров, 2012]).

Помимо дневника, Кюхельбекер записывает свои произведения в специальные тетради. В одну из них он вносит 1 сентября 1833 г. набросок *лирической пиесы* под названием «Тленность» – подражание-перевод немецкой лютеранской духовной песни. Напомню, что слово-образ «тленность» – одно из самых любимых у масонских авторов XVIII в. – было избрано Державиным для его «Реки времен...». Отсылка к ней, а также к другим державинским стихотворениям у Кюхельбекера предостаточно. Завершенное переложение поэт переименовывает в «Полночь с 31 декабря на 1-е января» [Кюхельбекер, 1967, т. 1, с. 261–263]. В нем оказываются собраны практически все известные на тот момент эмблематические образы Времени и Вечности (см.: [Маслова], [Петров, 2005], [Петров, 2009], [Петров, 2012]). Здесь и *старец год*, упавший в *свой гроб*, и река времени с волнами и *девятым валом*, и море вечности, и *бездна ночи роковой*, и водопад с *пенной*, и *томный вой часов*, и *гудящий металл*, и *звон колокола*, и дым, парящий вверх, в некое оссиановское *жилище бурь*, и роза, которую обрывает ветер, и сон, исчезающий с восходом солнца. Похоже, что этим «каталогом» темпоральных образов Кюхельбекер хотел проиллюст-

ризовать самоё идею суетности, мимолетности и пустоты человеческой жизни. Ведь, в сущности, в новогодней песне 1833 г. нет ни Бога, ни надежды, ни какого-либо утешения для смертного. Поэт сосредоточен исключительно на «пограничных ситуациях», какими их будет описывать К. Ясперс: «<...> я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину» [Ясперс, с. 21]. Великий немец XX века смысл их видел в том, чтобы «в ситуации крушения обрести путь к бытию», и напоминал, что «спасение и освобождение» предлагает религия [Там же, с. 25]. Не очень известный русский немец века XIX свою *ситуацию крушения* уже увидел – *неприкрытой как постоянную границу своего существования в каждый данный момент* [Там же]:

Восхищает роза нас:
Но и роза же на час;
С ней сравню ли бытие?
Ветер оборвет ее!
<...>
Да храним же каждый час!
Ночь, как тать, настигнет нас,
Ночь, нерадостный предел
Наших замыслов и дел.

О надежде и утешении, а значит, об *освобождении* ссыльный декабрист будет размышлять в последнем из своих новогодних стихотворений – «При исходе 1841 года» (13 дек. 1841) [Кюхельбекер, 1967, т. 1, с. 305]. Это уже не амальгама жанров, но нечто принципиально новое – индивидуальное жанровое образование. Оно написано 5-стопным хореем, то есть в стихотворной строке всего лишь на одну стопу больше, чем в переложении лютеранской песни, – однако как разнятся интонации:

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цепь пустых забот и мук и снов,
Глупый стук расстроенных часов,
Гадки вы душе моей усталой!

И тема вроде бы та же самая: бессмысленность жизни, но иная жанровая традиция – медитативной лирики с ее узнаваемыми образцами – пушкинским «Дар напрасный, дар случайный...» и лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...» – резко меняет модус читательского восприятия.

Прозаический, едва ли не конкретно-бытовой образ *глупого стука расстроенных часов*, противостоящий *глаголу времен* и ему подобным поэтизмам, а также почти физиологическое ощущение тошноты («La Nausée» назовет свой роман 1938 г. Ж.-П. Сартр), переданное словом *гадки*,

вносят диссонанс в привычные элегические lamentации о *ноше жизни, пустых заботах и усталой душе*. Диссонанс этот выражает не абстрактную «мудрость» типа *Дети мы седой земли, / Все потонем в той дали* (песня 1833 г.), а лично пережитую – поистине экзистенциальную – трагедийность человеческого существования. Такой, каждодневно ощущаемый трагизм собственной экзистенции требует простых, «нелитературных» форм выражения. И Кюхельбекер обращается к интонациям почти разговорным:

Что скажу я при исходе года?
Слава богу, что и он прошел!
Был он для изгнанника тяжел.
Мрачный, как сибирская природа.

Поэт ведет диалог: с самим собой, с людьми, с жизнью, со временем, с Богом. Обращу внимание на синтаксис строфы. Каждый стих – это предложение с резко обозначенной паузой в конце, а последние два стиха парцелированы. Так разговаривает очень усталый человек: медленно, подбирая слова. Неожиданно сравнение в последней строке: «чувство времени» соотносится здесь с «чувством природы». В своих стихах периода ссылки Кюхельбекер говорит о Сибири не часто. Его впечатления – не столько от природы, сколько от жизни в изгнании – сконцентрированы здесь в одном слове: *мрачный*.

Еще один образ из этой строфы: *Слава Богу*. Это стершаяся от употребления разговорная формула, имеющая молитвенное происхождение. В этой краткой молитве христианин ничего у Бога не просит, а только славит его; произносится она *по окончании дела в знак нашей благодарности Богу за Его милости нам* [Закон Божий для семьи и школы, с. 65]. Божьей милостью для Кюхельбекера стало простое завершение года. Подчеркну еще раз: ссыльный поэт физически ощущает ход времени, его бремя. Но в своей молитве он славит Бога. Это *Слава Богу* стоит, я думаю, державинской оды «Бог», столь ценимой Кюхельбекером. Его религиозные чувства – очень личные, его молитва – для себя и про себя. Элегические настроения и мотивы – разочарование, усталость, тоска – здесь даже не обертона и тем более не «общие места», а выражение лично им пережитого, о тяжести которого можно судить и по стихам, и по дневнику.

Царь Соломон, к книге которого поэт обращается во второй строфе своей новогодней медитации, говорит, как известно, не о бессмысленности жизни, а о смирении и о страхе Божиим. Кюхельбекер, по-видимому, оказался в такой ситуации, в которой единственной опорой для него осталась вера:

Повторять ли в сотый раз: «Все тленно,
Все под солнцем дым и суета»?
Не поверят! Тешит их мечта!
Для людей ли то, что совершенно?

Замечу, что «романтическое» слово-образ «мечта» употреблено в изначальном, восходящем к Библии значении: *'пустое, ложное, обманчивое видение; тщетная мысль, пустое воображение'* [Словарь Академии Российской, стб. 104].

У строфы этой есть и биографический подтекст. Стихотворению предшествуют в дневнике следующие размышления:

Бедный ты мой Суслов <казак, акшинский знакомый Кюхельбекера. – А. П.>! На прошедшей неделе он схоронил одного сына, сегодня другого. Не должен ли <я> стыдиться после того, что меня малейшее выводит из терпения и заставляет роптать на свою судьбу, что я в состоянии был излить свое уныние в стихах таких, какие я вчера выходил у Натальи Алексеевны в ожидании бани [Кюхельбекер, 1979, с. 408].

Перед Кюхельбекером предстала «пограничная ситуация», и глубина чужого несчастья открыла ему, что если правда – на стороне Иова, то истина – на стороне Соломона-Екклесиаста. То, как человек испытывает «свое крушение», пишет К. Ясперс, «лежит в основании того, кем становится человек» [Ясперс, с. 24].

Еще одна «пограничная ситуация», сокрытая в стихотворении, восстанавливается гипотетически. «При исходе 1841 года» вписано Кюхельбекером в дневник 14 декабря. Вряд ли это случайное совпадение, а значит, стихотворение написано «на годовщину» того события, которое роковым образом изменило жизнь поэта. Итоги тех шестнадцати лет, что протекли после восстания 1825 г., безрадостны. Не всегда поддерживает и спасает даже слово Бога, и только знание о существовании идеала – *совершенства* – дает силы вынести жизнь – *стать самим собой*, как говорят философы-экзистенциалисты.

Итак, исторический и ретроспективный анализ «новогоднего метатекста» В. К. Кюхельбекера обнаружил, что: 1) в «высоких» жанрах поэт движется от синтеза традиций классицизма и романтизма к индивидуальным жанровым образованиям, внося заметный вклад в развитие новогодней темы и стиля русской «метафизической» поэзии; 2) глубоко укорененная в немецкой культуре традиция философствования, связанная с Богопознанием, порождает на протяжении столетий «экзистенциальные» тексты; их авторы, будь то создатель лютеранского гимна XVII или

XVIII в., либо поэт-декабрист XIX в., либо философ XX в., стремились осмыслить свое личное и конечное («человеческая ситуация») как общее и трансцендентное («пограничная ситуация»).

Список литературы

Горячева О. Н., Разживин А. И. Русская псалтирная поэзия XVIII века. Елабуга: ЕГПУ, 2006. 144 с.

Закон Божий для семьи и школы / сост. прот. Сегафим Слободской. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1987. 724 с.

Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.–Л.: Сов. писатель, 1967. 664 с.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 789 с.

Кюхельбекер В. К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1939. 482 с.

Маслова А. Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.

Петров А. В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX вв. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 3 (32). С. 108–129.

Петров А. В. Один год из жизни русского дворянина: концепт «Время» в стихах И. М. Долгорукова на 1799 год // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: международный сб. науч. статей. Магнитогорск: МаГУ, 2012. Вып. IV. С. 15–25.

Петров А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2005. 272 с.

Петров А. В. «Слова» на Новый год российских духовных писателей XVIII века: христианская традиция праздника новолетия в самодержавном государстве // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2009. С. 139–179.

Словарь Академии Российской. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1789–1794. Ч. IV. 1272 с.

Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем.; под ред. А. А. Михайлова. Мн.: Пропилей, 2000. 192 с.

References

Goriacheva, O. N., Razzhivin, A. I. (2006). *Russkaia psalтираnaia poeziiа XVIII veka* [Russian Psalm Poetry of the 18th Century]. 144 p. Elabuga, EGPU. (In Russian)

Iaspers, K. (2000). *Vvedenie v filosofiiu* [Introduction to Philosophy]. Per. s nem.; pod red. A. A. Mikhailova. 192 p. Minsk, Pro-pilei. (In Russian)

Kiukhel'beker, V. K. (1967). *Izbrannye proizvedeniia v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. T. 1. 664 p. Moscow–Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)

Kiukhel'beker, V. K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Travel. Diary. Articles]. 789 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Kiukhel'beker, V. K. (1939). *Sochineniia: V 2 t.* [Works. In Two Volumes]. T. 1. 482 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)

Maslova, A. G. (2013). *Poetika vremeni i prostranstva v russkoi poezii 1760–1780-kh godov* [Poetics of Time and Space in the Russian Poetry of the 1760s–1780s]. 212 p. Ekaterinburg, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Petrov, A. V. (2011). “Mif tvoreniia” v “metafizicheskikh” i “fiziko-teologicheskikh” stikhotvoreniiaakh russkikh poetov kontsa XVIII – nachala XIX vv. [“A Myth of Creation” in “Metaphysical” and “Physical and Theological” Poems of the Russian Poets of the Late 18th–Early 19th Centuries]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. No. 3 (32), pp. 108–129. (In Russian)

Petrov, A. V. (2009). “Slova” na Novyi god Rossiiskikh dukhovnykh pisatelei XVIII veka: khristianskaia traditsiia prazdnika novoletiiia v samodержavnom gosudarstve [New Year Sermons of the Russian Spiritual Writers of the 18th Century: Christian Tradition of the New Year Holiday in the Autocratic State]. *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*. Vypusk 3. St. Petersburg,

Sankt-Peterburgskii gos. un-t. Fakul'tet filologii i iskusstv, pp. 139–179. (In Russian)

Petrov, A. V. (2012). *Odin god iz zhizni russkogo dvorianina: kontsept “Vremia” v stikhakh I. M. Dolgorukova na 1799 god* [One Year from the Life of a Russian Nobleman: A Concept “Time” in I. M. Dolgorukov's Verses for the Year 1799]. *Khudozhestvennaia kontseptosfera v proizvedeniiaakh russkikh pisatelei: mezhdunarodnyi sb. nauch. statei*. Magnitogorsk, MaGU, Vyp. IV, pp. 15–25. (In Russian)

Petrov, A. V. (2005). *Ody “na Novyi god”, ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie khudozhe-stvennogo istorizma v russkoi poezii XVIII veka: Monografiia* [New Year Odes, or the Opening of Time. The Formation of Artistic Historicism in the Russian Poetry of the 18th Century: A Monograph]. 272 p. Magnitogorsk, MaGU. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi (1789–1794) [The Dictionary of the Russian Academy]. Ch. IV. 1272 p. V Sanktpeterburge, pri Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian)

Zakon Bozhii dlia sem'i i shkoly (1987) [The Law of God for Family and School]. Sost. prot. Serafim Slobodskoi. 724 p. Holy Trinity Mon-astery, Jordanville, N. Y. (In Russian)

The article was submitted on 24.04.2018
Поступила в редакцию 24.04.2018

Петров Алексей Владимирович,
доктор филологических наук,
профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
455000, Россия, Магнитогорск,
пр. Ленина, 26.
alexpetrov72@mail.ru

Petrov Alexey Vladimirovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Nosov Magnitogorsk
State Technical University,
26 Lenin Ave.,
Magnitogorsk, 455000, Russian Federation.
alexpetrov72@mail.ru